

И.Ю. КОБЗЕВ

ФАУСТ (маленькая трагедия)

*«Эта вещь будет посильнее "Фауста" Гёте»
(И.В. Сталин)*

Действующие лица:

Мартин Лютер – профессор теологии Виттенбергского университета. Похож на Хрущева: грубое лицо простеца с маленькими глазками, в которых светится несгибаемая воля.

Черт – похож на Коровьева в исполнении Абдулова, и внешне и по манерам.

(Вечер 30 октября 1517 года, кабинет Лютера, Лютер сидит за столом и пишет, на столе горит свеча)

(Лютер отклоняется назад, берет исписанную бумагу и читает): «папские отпущения не могут устранить ни малейшего простительного греха». Так! Получай!

(Из темного угла комнаты доносится): Браво, профессор! Добей его!

- (Лютер резко поворачивается на голос) Кто здесь?

- (От стены отделяется фигура) Свидетель твоего грядущего торжества,

- Ты папский шпион? Кто тебя послал?

- (Черт) Меня никто не может послать. Это я могу послать, причем кого угодно, даже папу,

- (Лютер) Так кто же ты?

- «Я - часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо»,

- Ты лжец и отец лжи, я узнал тебя! Кто хочет зла, тот не может творить благо!

- Это же стихи, а на самом деле я, может быть, единственный во всей природе, кто любит истину и искренно желает добра,

- Ты добр как папа свят! Чьи это стихи?

- Твоего земляка саксонца, только через много лет тому вперед,

- О чем они?

- О Фаусте,

- Это о каком Фаусте? О чернокнижнике Фаусте, что живет здесь в Виттенберге на Коллегиенштрассе ?

- Может и о нем, а может и нет – уж такое здесь у вас, в Виттенберге, место – куда ни плюнь, всюду фаусты,

- Что ты имеешь в виду?

- Породу вашу душевную,

- И какова же она по-твоему?

- Весьма примитивна: у вас все движения души направляются одной страстью – волей к власти. Она подчиняет себе все ваши мысли и чувства,

- Ты лжешь, дух зла! Разве о власти я думаю, когда хочу очистить святую Церковь Христову от папской неправды?

- Тебе и думать о ней не нужно – воля к власти водит твоим пером и сквозит в каждом твоём тезисе. Она рядится в одежды логически безупречных доводов разума, но если спросить прямо без этих ваших ученых красот: чего ты хочешь, к чему стремишься? – ответ будет очевиден,
- Ты хочешь сказать, что я желаю поставить себя на место папы?!
- А как же может быть иначе, профессор? Иначе и не бывает. Да ты не бойся этой мысли вслух – мы здесь одни, свидетелей-то нет. Все логично: кто устранит неправду власти, тот просто должен будет возложить эту власть на себя. Не оставлять же ее валяться в грязи, чтобы ею завладел первый попавшийся проходимец?
- Я не думал об этом... так,
- А ты подумай и именно так. Ибо дух зла играет человеком всегда, когда тот не мыслит точно,
- Зла? Очистить веру от ложных заблуждений это по-твоему зло?
- Какой ценой? – Весь вопрос в том, какой ценой будет очищена эта твоя вера. Цель может и выглядеть благой, но поставив себе цель, человек, чаще всего, не гнушался никакими средствами для ее достижения,
- Это твоя логика, дух зла!
- Это рассуждение Макиавелли. Не читал? – Советую, очень умный итальянец,
- Терпеть не могу этих растрепанных, себялюбивых болтунов,
- Какое совпадение! Он тоже так считает и ставит в пример разложившейся итальянской расе здоровую германскую расу,
- Вот! Все действительно разумно!
- Только не это! До этого унижения действительности разумом еще триста лет,
- Ты это о чем?
- Это я так, о наболевшем. Со всех сторон только и слышмшь – разум, разумно! А что такое, разум? Ответь, профессор,
- Разум – это способность пользоваться умом, который вложил в нас Бог, и законы которого раскрыл нам божественный Аристотель,
- Это ты о логике? А знаешь ли ты, что он придумал свою логику только для того, чтобы вдалбливать знания в тупые мозги царственного оболтуса, которого он обучал философии. А к мышлению логика не имеет никакого отношения. Твой «божественный» Аристотель вообще считал человека не слишком разумным существом – он определил его как «политическое животное»,
- Лжешь!
- Хочешь я устрою тебе личную встречу с Аристотелем и ты сам у него спросишь?
- Нет, не хочу,
- Тогда поверь мне на слово. То, что ты называешь разумом, на самом деле всего лишь рассудок. И имеет он весьма ограниченную применимость, чаще всего это просто удобная форма для изложения уже известного. А вот в промежутках между известным зияют бездны истин, неподвластных логике,
- Тогда что же такое истина?
- О! Пилат в гробу перевернулся! Ты Евангелие-то читал, теолог?
- Читал! Христос есть Истина! Потому я и борюсь за Истину против ее искажений,
- А как тебе такой пассаж (достаёт из кармана бумажку и читает): «Если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы остаться с Христом вне истины, чем с истиной вне Христа»,
- Что за дикая мысль? Как это Истина может быть вне Христа? Кто это написал?
- Достоевский,
- Это кто, поляк?
- Почти,

- Терпеть не могу этих заносчивых варваров!
- Хорошо, оставим поляков. А что ты скажешь на это (достает еще одну бумажку и читает): «В любой математической системе есть истинные утверждения, логически выводимые в этой системе». Это, между прочим, доказанная математическая теорема – теорема Геделя,
- Кто это, еврей?
- Я точно не знаю, может и еврей, а что?
- Ненавижу евреев - проклятый народ, все лжецы, воры и разбойники,
- Тут я вынужден с тобой согласиться, геноссе Лютер. Исус ведь тоже был евреем?
- А, искуситель, исчадие ада, богохульством меня запятнать хочешь?! (хватает чернильницу со стола и кидает в черта, тот пригибается и чернильница попадает в стену, оставив на ней след чернил в виде дуги) Будь ты проклят!
- (черт смотрит на чернильный след и спокойно говорит) Чернильница в голову как аргумент против силлогизма – это примерно то, о чем говорит теорема Геделя. Теперь ты видишь, что разум, которым ты так кичишься, весьма ограничен. Очень важно понять, где ты можешь доверять выводам разума, а где – нет, и не путать эти области между собой. Это и называется мудростью. Впрочем, в ней тебя трудно заподозрить, Фауст,
- Я не Фауст, я – Лютер,
- Ты даже не представляешь, Лютер, насколько ты Фауст. Ну, хорошо, если ты такой поклонник разума, давай я тебя познакомлю с замечательным математиком Кардано, он тебя научит решать уравнения третьей степени, откроет тайну мнимых чисел – это истинное пиршество разума. Или лучше давай я устрою тебя никому не известным учителем где-нибудь в глухой провинции, будешь там учить детей разумному, доброму, вечному, потому что, уж поверь мне, будущие победы Германии будут победами немецкого школьного учителя!
- Тебе не удастся столкнуть меня с избранного мною пути! Я знаю, что будущее Германии и всей Европы находится именно на этом пути, и оно будет прекрасно!
- Оно будет ужасно! Ты завтра откроешь ящик Пандоры, и все эти доблестные рыцари, благочестивые крестьяне и почтенные бюргеры начнут с упоением резать друг друга. А все потому, что станет можно, потому что ты им это разрешил,
- Я? Когда ?!
- Здесь и сейчас!
- Ты лжешь!
- Я лгу? А не ты ли сказал, что «труды монахов и священников ни на йоту не отличаются в глазах Бога от трудов крестьянина в поле или женщины, работающей по хозяйству», не ты ли сказал, что «человек спасает душу не через церковь, а через веру», не ты ли отрицаешь догмат божественности папы?
- Да, на том стою и не могу иначе!
- Но ведь этим ты разрушаешь принцип, на котором держится мир в Европе. Люди по природе своей порочны, ничтожны и бунтовщики. И есть только три силы, способные пленить этих слабосильных бунтовщиков, для их же счастья, – это чудо, тайна и авторитет. Всем этим владеет церковь в лице папы, а святость папы делает легитимной власть императора, а император делает законной власть князей, которые правят чернью. И чернь принимает эту власть только потому что папа свят. Это перевернутая пирамида, стоящая на вершине и имя этой вершины – папа. Ты хочешь выдернуть эту опору, но тогда весь европейский мир рухнет. Эти твои теоретические крестьяне и кухарки зальют землю кровью, и ты сам назовешь расправу с ними богоугодным делом!
- Ты лжешь, дух зла!

- Нет, это правда, к сожалению. Просто человек слабее и ниже создан, чем ты о нем думаешь. Он слаб и подл. Нет ничего обольстительнее для человека, как свобода его совести. А ты ведь именно к их совести обращаешься. А это неподъемный груз для них, пойми,

- Ты враг человеческий и клеветешь на человека!

- О, нет! Я людей люблю искренно, а главное – я хорошо их знаю. Ты ведь не знал, что чуть лишь человек отвергнет чудо, тайну и авторитет, то тотчас отвергнет и Бога.

Сказав «а», непременно нужно будет сказать и «б» - таков закон твоего любимого разума. Сегодня ты отменил божественность папы, а завтра твой идейный потомок скажет «Бог умер». И все вдруг поймут, что он прав. Человек возвеличится духом титанической гордости и пройдет по земле как та саранча из Иоаннова Апокалипсиса. И все это начинается здесь и сейчас, в твоём кабинете, и еще не поздно отказаться от твоей затеи, потому что еще никто не знает, что папа не свят, и главное - все еще живы,

- А почему ты так защищаешь власть папы? Тебе-то зачем нужна эта Европа больших ослиных голов – пап, епископов, монахов?

- А потому что любой порядок лучше хаоса. Потому что порядок позволяет наладить учет и контроль, а это очень важно в нашем масштабном и вечном деле. Вот ты критикуешь папу за введение индульгенций. А что в этом плохого? Ну ввел предоплату услуг, так ведь не себе в карман, а для строительства храма святого Петра,

- Папа богаче, чем Крез, почему же он возводит этот храм не на свои деньги, но на деньги нищих верующих?

- А вот тут ты не прав: у нищих в совокупности денег всегда больше, чем у одного богача. На этом и основано обогащение богатых. Так вот, а сеть продаж индульгенций – это своего рода адресная книга грешников Европы, для нас это важнейшая информация. Так что тут, как видишь, мои интересы совпадают с интересами папы. Хотя сам по себе он мне неинтересен. Ну какой он грешник: примитивный разврат с элементами легкой содомии, обжорство да пьянство? Все это так по-человечески понятно, что и за грех считать как-то неудобно. То ли дело здесь, у тебя...

- Что у меня?

- Отверзаются бездны зла...

- ...Я борюсь за правду, за победу добра над злом!

- Ну да, сто лет грядущей борьбы добра с добром неизбежно закончатся победой добра. Но в этой борьбе будет совершаться столько зла, что мне придется неоднократно расширять преисподнюю. И вот, что любопытно: ты, столкнувший Европу в кровавую баню, будешь в памяти потомков едва ли не святым, а я, обреченный убирать за тобой всю эту грязь, как всегда окажусь носителем зла,

- Изыди, Сатана! Сгинь с моих глаз долой! (Лютер совершает крестное знамение)

- Дурак ты, Фауст,

- Я не Фауст! Я – Лютер!

- А от «дурака» ты, я вижу, не отказываешься. И это правильно – скромность украшает теолога.

(Лютер в ярости шарит по столу рукой в поисках чернильницы)

- (Черт) Что, патроны кончились? Ухожу, ухожу. (направляется к стене, но по пути задерживается и повернувшись к Лютеру, говорит через плечо) Да, если после твоей кончины тебя не будут пускать в ад, скажи, что ты от меня, и пустят... должны пустить. (Уходит в стену. Лютер подходит к стене и пробует пальцем чернильный след, потом возвращается к столу, садится и продолжает писать, произнося вслух)

- Папа не может прощать никаких грехов...